

© 2024 г. Т.Л. ЛАБУТИНА

«ДВУЛИКИЙ ЯНУС»: СОСТОЯЛ ЛИ КАНЦЛЕР А.П. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН НА СЛУЖБЕ У АНГЛИЧАН?

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175

Аннотация. Обращаясь к политике, проводимой видным государственным деятелем, главой внешнеполитического ведомства России в правление императрицы Елизаветы Петровны канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым, автор оценивает его взаимоотношения с британскими послами в 1746–1756 гг. иначе, чем другие историки. Великобритания, активно участвуя в войне за Австрийское наследство (1740–1748) и готовясь к Семилетней войне (1756–1763), вела переговоры об аренде российского вспомогательного военного корпуса в обмен на выплату денежных субсидий. Активную роль в переговорах играл А.П. Бестужев-Рюмин. Но чьи интересы он при этом отстаивал, и была ли его служба на высоком государственном посту бескорыстной? Опираясь на анализ дипломатической переписки британских послов с государственным секретарем, автор отмечает, что А.П. Бестужев-Рюмин чаще всего поддерживал англичан, поскольку состоял на секретной службе у британского правительства. Подтверждением тому служат действия канцлера, направленные в интересах Великобритании на ускорение переговоров о субсидиях, стремление уменьшить их размер, поддержка привилегий английского купечества в ущерб интересам России, а также снабжение послов секретной информацией о вооруженных силах страны. Биография канцлера, содержащая ряд сомнительных фактов (сфальсифицированные документы, представленные его отцом для приписывания своего рода к английским предкам, необычное знакомство с будущим королем Великобритании Георгом I и служба у него), получение от англичан постоянного пенсионного и дорогостоящих подарков — все это позволяет предположить, что А.П. Бестужев-Рюмин был завербован англичанами, находясь на службе у короля Георга I, а потому часто действовал в интересах Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, внешняя политика, канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, Дж. Кармайл, Гай Диккенс, Ч. Уильямс, дипломатические переговоры, вооруженные силы, российский вспомогательный корпус, субсидные конвенции, разведка.

T.L. Labutina

“Two-Faced Janus”: Was Chancellor Alexey Bestuzhev-Ryumin in the Service of the British?

Tatiana Labutina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175

Abstract. Reviewing the policy pursued by a prominent Russian statesman, head of the foreign policy department during the reign of Empress Elizaveta Petrovna, Chancellor Alexey Bestuzhev-Ryumin, the author assesses his relations with the British ambassadors in the period between 1746 and 1756 somewhat differently compared to other historians. Great Britain, which was actively participating at that time in the War of the Austrian Succession (1740–1748), and then, preparing for the Seven Years' War (1756–1763), negotiated the lease of the Russian auxiliary military corps in exchange for the payment of cash subsidies. Alexey Bestuzhev-Ryumin played an active role in the negotiation process. However, whose interests was he protecting and was his service in a high public office entirely selfless? From the analysis of diplomatic correspondence between British ambassadors and the Secretary of State, the author concludes that Alexey Bestuzhev-Ryumin supported the British more often than not, as he was in the secret service of the British government. This is confirmed by the actions of the Chancellor, aimed at accelerating negotiations on subsidies in the interests of Great Britain, seeking to reduce their size, supporting the privileges of English merchants to the detriment of Russian interests, as well as supplying ambassadors with secret information about the armed forces of the country. The biography of the Chancellor, containing a number of dubious facts, such as documents forged by his father to prove the English ancestry of his family, an unusual acquaintance with the future King George I of Great Britain and service under him, receiving a permanent pension and expensive gifts from the British, suggests that Alexey Bestuzhev-Ryumin was recruited by the British while in the service of King George I, and therefore frequently acted in the interests of Great Britain.

Keywords: Great Britain, Russia, foreign policy, Alexey Bestuzhev-Ryumin, John Carmichael, Guy Dickens, Charles Williams, diplomatic negotiations, armed forces, Russian auxiliary corps, subsidy conventions, intelligence.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766) – видный государственный и политический деятель, талантливый дипломат, незаурядная личность в окружении императрицы Елизаветы Петровны. Его деятельность на постах вице-канцлера и канцлера не раз становилась предметом исследований российских историков¹. И все ученые отмечали, наряду с профессиональными достижениями А.П. Бестужева-Рюмина, противоречивый характер его поступков на высоком государственном посту. О его влиянии на управление страной писали многие. Исследователи Л.В. Антонова и Т.А. Просвинова подчеркивали, что А.П. Бестужев на протяжении 16 лет практически правил Россией, причем делал это «продуманно и четко». Его «уважали, боялись, временами ненавидели, признавали несомненный талант дипломата, отвагу и трудолюбие, но вместе с тем не отрицали и мстительность, коварство, честолюбие, скупость, что не мешало Бестужеву-Рюмину совершенно искренне и честно

¹ Шапкина А.Н. Новые ориентиры. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин и союз с Австрией // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 48–65; Яковлев Н.Н. Великий канцлер // Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М., 2000. С. 163–168; Анисимов М.Ю. Российский дипломат А.П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192; Емелина М.А. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 29–45; Мусский И.А. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин // Мусский И.А. 100 великих дипломатов. М., 2009. С. 169–175; Бантыш-Каменский Д.Н. Биография российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 2011; Григорьев Б.Н. Бестужев-Рюмин. Великий канцлер России. М., 2014.

служить России»². Ценили деятельность российского канцлера и за рубежом. Как отмечал Н.Н. Яковлев, его расположения в разные годы добивались такие европейские монархи, как Георг II, Мария Терезия, Фридрих II, Людовик XV³.

В конце 1746 г. Англия, активно участвующая в войне за Австрийское наследство (1740–1748), начала переговоры с российским правительством о предоставлении в ее распоряжение вспомогательного военного корпуса в обмен на денежную субсидию⁴. Поскольку англичане, как отмечал британский историк К.У. Элдон, предпочитали использовать иностранные войска для защиты королевства во время войн на континенте, чем привлекать для этой цели своих солдат⁵, неудивительно, что они обратились с подобной просьбой к российской императрице. Субсидные конвенции сделались по сути дела камнем преткновения в переговорном процессе двух держав, в котором активную роль довелось сыграть канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину. Какую позицию он при этом занимал? Чьи интересы отстаивал? И была ли его служба отечеству бескорыстной? Ответы на эти вопросы и попытался дать автор в предлагаемой статье. В то время как историки обычно обращаются к изучению внешнеполитической деятельности А.П. Бестужева-Рюмина, нас интересовали, главным образом, взаимоотношения канцлера с британскими послами в период войны за Австрийское наследство и в преддверии Семилетней войны (1756–1763), которые нашли отражение в их дипломатической переписке с госсекретарем.

Изучая биографию и деятельность канцлера, мы обратили внимание на то, что в новейших работах о нем неясным остается вопрос о происхождении рода Бестужевых-Рюминых. Так, М.Ю. Анисимов отмечал, что будущий канцлер родился в семье московского дворянина Петра Михайловича Бестужева, род которого по легенде происходил от выехавшего в Россию в 1403 г. англичанина Гавриила Беста. В действительности, считал историк, будущий канцлер являлся потомком новгородцев, которых Иван III вывез в Москву после упразднения независимости Новгорода. Отец Алексея Петровича служил воеводой в Симбирске, при Петре I выполнял дипломатические поручения в Вене и Берлине, а в 1712 г. стал обер-гофмейстером у герцогини курляндской Анны Иоанновны. От Елизаветы Петровны в 1742 г. он получил графский титул⁶.

По утверждению М.А. Емелиной, Бестужевы-Рюмины происходили из младшей ветви рода Плещеевых, являлись выходцами из новгородских земель и занимали незначительные посты. В 1680-е годы и повторно в 1699 г. отец будущего канцлера передал в Разрядный приказ документы, по которым его род будто бы вел свое происхождение от Бестовых из английского графства Кент. Однако, как позже выяснилось, эти бумаги оказались сфальсифицированными. В 1701 г. старший Бестужев – Петр Михайлович – получил разрешение для себя и своих родственников носить двойную фамилию Бестужевых-Рюминых, чтобы отличаться от других поколений рода Бестужевых⁷.

Автор единственной монографии, посвященной А.П. Бестужеву-Рюмину, Б.Н. Григорьев признавал, что на дипломатическую деятельность отца Алексея Петровича указывали лишь «косвенные признаки». Он также сомневался в достоверности сведений об английском происхождении рода. «То ли тщеславие, то ли мода на все европейское, начавшая проявляться в России при Петре I, а скорее все вместе взятое заставили его искать свое происхождение за пределами России, – писал Б.Н. Григорьев. – Через посредничество главы Посольского приказа Ф.А. Головина... для него в 1698 году из Англии была прислана

² Антонова Л.В., Просвинова Т.А. История дипломатии России. М., 2010. С. 149.

³ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 26.

⁴ Подробнее о субсидиях 1747 г. см.: Лабутина Т.Л. Россия в войне за чужие интересы: переговоры британских и российских дипломатов о субсидных конвенциях 1747 года // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 54–66. DOI: 10.31857/S013038640025910–9

⁵ Eldon C.W. England's Subsidy policy towards the Continent during the Seven Years' War. Philadelphia, 1938. P. III.

⁶ Анисимов М.Ю. Указ. соч. С. 175.

⁷ Емелина М.А. Указ. соч. С. 30.

грамота, в которой сообщалось, что его предком был англичанин Гавриил Бест... будто бы выехавший из Англии в 1403 году»⁸.

Суммируя приведенные высказывания, можно сделать вывод, что сведения о происхождении Бестужевых-Рюминых⁹ продолжают оставаться до конца не выясненными и что предки великого канцлера стремились любыми путями приобщиться к английскому роду. Кто знает, быть может, именно последнее обстоятельство (мнимая или действительная близость к английским предкам) сыграло свою роль в занятой Алексеем Петровичем позиции в переговорах с британцами.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин был прекрасно образован. Вначале он вместе со старшим братом Михаилом учился дома, а затем продолжил обучение в известной московской гимназии пастора Э. Глюка. В 1708 г. по настоянию Петра I братьев отправили для дальнейшего обучения в Копенгаген, а спустя два года — в Берлин. Алексей учился старательно, освоил немецкий, французский языки, а также латынь. После обучения он путешествовал по Европе. В 1712 г., когда ему исполнилось 19 лет, Алексей получил первое дипломатическое поручение и отправился на Утрехтский конгресс, где обсуждались условия заключения мира по итогам войны за Испанское наследство (1700—1713). Любопытно, что по пути в Утрехт Алексей Бестужев каким-то образом «имел случай стать известным ганноверскому курфюрсту Георгу-Людвигу, будущему королю Великобритании Георгу I, и даже получил предложение поступить к нему на службу»¹⁰. Как и почему могло произойти подобное знакомство молодого, еще неопытного и малоизвестного российского дипломата с английским принцем, остается только догадываться. Еще более удивительным представляется его приглашение поступить к курфюрсту на службу.

В 1713 г. Алексей Петрович по приказу царя получает чин полковника, а затем становится камер-юнкером у курфюрста Георга Ганноверского. Примечательно, что в это же время старший брат Михаил служил камер-юнкером при дочери того же курфюрста. После вступления курфюрста на английский престол в 1714 г. Алексей Бестужев оставался при его дворе еще три года. Как отмечал Б.Н. Григорьев, «это был, пожалуй, беспрецедентный до тех пор случай в истории русской дипломатической службы, когда русского дипломата звали на службу к иностранному монарху». Не меньшее удивление исследователя вызвало также решение короля направить Бестужева в качестве своего чрезвычайного посланника в Петербург, чтобы сообщить Петру I о своем вступлении на престол. «Такого в дипломатической практике России (и, возможно, Англии) тоже еще никогда не было», — констатировал Б.Н. Григорьев¹¹. Возвратившись в Лондон с поздравительной грамотой от царя, Алексей Петрович остался в Англии в должности российского посланника. Он пробыл на английской службе около четырех лет, и все, чему он там научился, на взгляд Григорьева, пригодилось и подготовило к будущей политической карьере на родине. «Пребывание и служба в Англии, если и не сделали из него стопроцентного англофила, — отмечал исследователь, — но наложили несомненный отпечаток на его пристрастия и склонности. Англия будет долго занимать в его внешнеполитической программе наипервейшее место»¹². И с подобным утверждением трудно не согласиться, если проследить за взаимоотношениями Бестужева-Рюмина с британскими посланцами.

В 1717 г. Петр I отозвал молодого дипломата из Англии, а спустя год направил обер-камер-юнкером ко двору Анны Иоанновны в Митаву, где в то время служил его отец. В 1720 г. Алексея Петровича назначили резидентом в Данию. Здесь он отличился тем, что устроил пышный прием для иностранных дипломатов и первых лиц датского королевства по случаю заключения в 1721 г. Ништадтского мира. На приеме он раздал гостям памятную медаль с портретом Петра I, которую отчеканил за свой счет. Царь, узнав об этом, лично написал

⁸ Григорьев Б.Н. Указ. соч. С. 9—10.

⁹ В литературе используются как полная, так и сокращенная фамилия А.П. Бестужева-Рюмина.

¹⁰ Григорьев Б.Н. Указ. соч. С. 54.

¹¹ Там же. С. 54—55.

¹² Там же. С. 56.

благодарственное письмо Бестужеву, а в 1723 г. наградил его своим портретом, украшенным бриллиантами. В те времена это была очень высокая награда¹³. В 1724 г. император произвел Бестужева-Рюмина в действительные камергеры.

В последующие годы Алексей Петрович представлял интересы России при Копенгагенском дворе, в Гамбурге, Нижнем Саксонском округе. Благодаря покровительству регента Э.И. Бирона в 1731 г. он получил должность чрезвычайного посланника, а в 1740 г. занял пост кабинет-министра. После падения Бирона Бестужев-Рюмин за связи с регентом был арестован, приговорен к четвертованию, но казнь ему заменили ссылкой. Правительница Анна Леопольдовна решила вернуть его после недолгой ссылки ко двору, поручив заведовать внутренней политикой государства. Активное участие Бестужев-Рюмин принял также в дворцовом перевороте 1741 г. Елизавета Петровна по достоинству оценила его заслуги и по протекции лейб-медика И.Г. Лестока и посла Франции маркиза И.-Ж. де ла Шетарди пожаловала Алексею Петровичу орден Св. Андрея Первозванного, звание сенатора, а также должность вице-канцлера и директора почтового ведомства. В 1744 г. А.П. Бестужев-Рюмин становится канцлером Российской империи. В 1758 г. он будет отстранен от должности и сослан. Екатерина II, взойдя на престол, вернула его из ссылки и произвела в звание генерал-фельдмаршала. Таков был жизненный путь великого канцлера.

Английские послы, по всей вероятности, учитывали тот факт, что в молодости Алексей Петрович состоял на службе у Георга I, а потому полагали, что можно заслужить его расположение и даже использовать канцлера в своих интересах. При этом они старались не афишировать свои «особые» отношения с Бестужевым. «Мы обещали все свои сношения держать в тайне перед кем бы то ни было, кроме наших государей», — сообщал госсекретарю прибывший в Россию в 1746 г. посол Дж. Гиндфорд¹⁴. Убедившись, что Бестужев находился «в большой милости» у императрицы, Гиндфорд начал прощупывать почву на предмет возможного его привлечения на свою сторону. С этой целью он предложил госсекретарю «оказать *нашему другу* (выделено нами. — Т.Л.) особые знаки благоволения, послав, кроме обычного подарка деньгами, портрет Его Величества, табакерку, шпагу или какую-либо другую вещь»¹⁵. О каком друге шла речь? Оказалось, что это был канцлер Бестужев. Британскому дипломату явно не хотелось, чтобы о подобном предложении канцлеру стало известно при дворе императрицы, и потому просил госсекретаря в дипломатической переписке не упоминать его имени и «никогда, даже в шифре, не называть его иначе, как нашим другом». В том же донесении Гиндфорд упоминал о денежной просьбе «друга». Выяснилось, что еще в сентябре 1746 г. Бестужев обратился через посредничество посла к королю с просьбой о беспроцентном займе в 10 тыс. ф. ст. сроком на 10 лет. Как писал Гиндфорд, в своем ходатайстве Бестужев напоминал, что он «*всегда был верным другом и слугой короля и британской нации*» (выделено нами. — Т.Л.), рискуя своей жизнью и состоянием, всегда отклонял выгоднейшие предложения со стороны врагов его королевского величества», а также никогда не принимал никаких подарков, которые ему предлагали. Но теперь канцлер надеется, что король окажет ему поддержку. Дело в том, что императрица пожаловала Бестужеву поместья, прежде принадлежавшие вице-канцлеру графу А.И. Остерману, а также его большой, но плохо сохранившийся дом. Желая угодить императрице, канцлер перестроил и роскошно отдал здание, что ввело его, уже и без того обремененного долгами, в еще большие траты. Поэтому он пребывает в полном отчаянье, если король не придет «милостиво к нему на помощь». Подобные заявления российского канцлера вызывают, мягко говоря, удивление: почему с подобной просьбой Бестужев решил обратиться к монарху иностранной державы? А если учесть, что на троне находился уже не тот король, у которого он служил

¹³ Анисимов М.Ю. Указ. соч. С. 176.

¹⁴ Донесения, инструкции и письма и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе за 1744—1745 гг. // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 101. СПб., 1898. С. 182.

¹⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // СИРИО. Т. 102. СПб., 1898. С. 315.

в свое время, а его сын — Георг II Ганновер, то тем более подобная просьба к британскому монарху выглядит по меньшей мере странной.

Описывая ситуацию с займом, Гиндфорд, хотя и подтверждал достоверность «денежных затруднений» канцлера, считал выполнение его ходатайства в то время, как послы короля несколько лет не получают жалованья, невозможным. Однако вскоре послу пришлось изменить свое мнение. Когда в конце 1746 г. начались переговоры о предоставлении англичанам корпуса российских войск, они вспомнили о Бестужеве и его просьбе. «Так как вы в этом деле... будете вести переговоры главным образом... с канцлером, — инструктировал госсекретарь Гиндфорда, — то было бы уместно, если бы вы сказали ему, что просьба его о займе ...должена королю, и ...вижу, что король весьма расположен к канцлеру. Вы можете дать Бестужеву понять, что лучший способ побудить короля оказать ему это особое проявление королевской милости... — расположить императрицу к заключению договора (о вспомогательном корпусе и субсидии за его аренду. — Т.Л.) на разумных основаниях»¹⁶. Гиндфорд стал активно поддерживать ходатайство канцлера о его «скромной просьбе», поскольку Бестужев мог оказать ему содействие в переговорах. И действительно, судя по депешам посла в Лондон, канцлер предпринимал определенные шаги, чтобы уговорить царицу «понизить свои требования» в части размеров субсидии. Примечательно, что при этом он всякий раз напоминал послу о своей просьбе, а также требовал сохранять переговоры в секрете от императрицы и других министров¹⁷.

Гиндфорд писал госсекретарю лорду Честерфилду, что необходимо заручиться таким «могущественным другом», как Бестужев, поскольку тот пользуется уважением императрицы и обладает такой властью, какой никогда не имел ни один из русских министров. Однако король не спешил удовлетворить просьбу. В депеше от 7 апреля 1747 г. лорд Честерфилд отвечал Гиндфорду: «По отношению к просьбе канцлера я сообщаю вам, что Его Величество весьма хорошо расположен к этому министру ...но ... при настоящем положении дел ...Его Величеству ...невозможно теперь же удовлетворить Бестужева в том, в чем тот его просит»¹⁸. Гиндфорд, продолжая убеждать госсекретаря в необходимости помочь канцлеру, приводил в качестве аргумента тот факт, что Бестужев «мог бы иметь вдвое более от других держав», но желает обратиться лишь к милости короля Великобритании. Но добиться желаемой цели послу не удавалось. Наконец, Честерфилд в секретной депеше сообщал, что король готов выделить канцлеру 5 тыс. ф. ст. после подписания конвенции о субсидии. Однако Гиндфорд опасался, что подобное предложение вряд ли устроит канцлера и он откажется оказывать англичанам содействие в переговорах. «Если мне придется сказать канцлеру, что в настоящее время король не в состоянии удовлетворить его просьбу, — писал посол Честерфилду 2 мая 1747 г., — то он примет это за отказ и попытается получить эту сумму где-либо в другом месте, и тогда мы уже навсегда потеряем его»¹⁹. Чтобы этого не допустить, Гиндфорд даже предлагал госсекретарю скрыть от Бестужева получение неблагоприятного для канцлера ответа из Лондона, а пока обсудить вопрос о выдаче ему хотя бы половины денег, о которых просил Бестужев. Посол снова и снова просил удовлетворить просьбу канцлера, подчеркивая, что тот может либо оказать королю большую услугу, либо навредить его делам. «Я прекрасно вижу, что он замедляет выдачу ответов по разным нашим делам... пока его просьба не будет удовлетворена», — свидетельствовал Гиндфорд. В ответ король советовал послу «заставить этого министра немного подождать», а пока выделить Бестужеву 5 тыс. ф. ст.

Однако Бестужев отказался принять данную сумму. В беседе с Гиндфордом он заявил, что «услуги, оказанные им ...нашему двору (выделено нами. — Т.Л.)», вселяли в него надежду ожидать благоприятного ответа на его первую и единственную просьбу, а потому он был

¹⁶ Там же. С. 121.

¹⁷ Там же. С. 189.

¹⁸ Там же. С. 255–256.

¹⁹ Там же. С. 331–332.

весьма огорчен, встретив подобные затруднения. Бестужев уверял посла в своей преданности королю и королевской семье, которым он служил вначале как слуга, а затем как полномочный министр ганноверского двора от императора Петра I. Он перечислял разнообразные услуги, которые когда-либо оказывал британскому двору, обещая сделать все, что в его силах, чтобы возместить все убытки англичан в коммерческих операциях и восстановить их торговлю через Россию с Персией. Взамен он просил только о беспроцентном займе в 10 тыс. ф. ст., а не о подарке, «ибо хочет иметь свои руки и совесть всегда чистыми». Посол советовал госсекретарю прислушаться к просьбе канцлера, полагая, что король «может потерять *единственного друга, которого имеет при этом дворе* (выделено нами. — Т.Л.)», и тогда дела англичан вместо того, чтобы продвигаться вперед, «обратятся вспять»²⁰.

Эпопея с займом завершилась в ноябре 1747 г., о чем Гиндфорд не преминул известить лорда Честерфилда. В секретной депеше посол сообщал, что Бестужев вынужден был занять 50 тыс. руб. под залог своего дома. К письму он приложил «как диковину» закладную и обязательство канцлера выплатить заем. В России принято на каждую закладную в тысячу рублей представить одного свидетеля, пояснял Гиндфорд, поэтому канцлер пригласил 50 своих «главных врагов» при дворе, которые должны были как свидетели подписаться под документом. При этом, высказывал предположение дипломат, канцлер руководствовался стремлением не допустить подозрений, что получил эти деньги в качестве подарка и продемонстрировать своим врагам, что он очень беден²¹. Хотя Бестужев самостоятельно нашел выход из сложившейся ситуации, посол заключал: «Я весьма доволен, что Его Величеству благоугодно было помочь канцлеру... и я думаю, что *он окажется весьма полезным для королевской службы* (выделено нами. — Т.Л.)»²². Судя по словам Гиндфорда, финансовая помощь Бестужеву со стороны короля была все-таки оказана.

Анализируя факты, связанные с просьбами Бестужева о займе, невольно задаешься вопросом, а чем канцлер предполагал расплатиться за них? Осуществлял ли он какие-либо действия в интересах британцев? В депешах Гиндфорд не раз упоминал, что Бестужев оказывал английской стороне определенные услуги. Так, посол заверял английское правительство, что Бестужев по его просьбе сумел убедить императрицу, чтобы суммы субсидии за вспомогательный корпус были «сильно уменьшены». В депеше от 3 января 1747 г. Гиндфорд сообщал, что если бы не расположенный к англичанам Бестужев, то ему вообще никогда не удалось бы убедить царицу предоставить требуемый русский корпус²³. Посол полагал, что «этот джентльмен» и в будущем сможет доказать свою благодарность королю, «сделав все, что в его силах, для удовлетворения Его Величества»²⁴. И действительно, Бестужев не только поддерживал требования англичан о субсидных конвенциях, но и убеждал императрицу согласиться на включение в субсидный договор сепаратной и секретной статьи, согласно которой Россия должна напасть на Пруссию в случае, если та предпримет агрессивные действия против Великобритании. Этим действием, писал Гиндфорд, король обязан исключительно Бестужеву, который «с каждым днем *все ближе принимает к сердцу служение интересам Его Величества ... что ... является и его долгом* (выделено нами. — Т.Л.)»²⁵.

Вопрос об очередном субсидном договоре возник вновь на переговорах между странами накануне Семилетней войны. Российская сторона требовала выплату субсидии в размере 150 тыс. ф. ст. в год за корпус в 30 тыс. человек, обещая к тому же защиту королевских владений в Ганновере. Встретив оппозицию в парламенте, который счел сумму субсидии слишком завышенной, герцог Ньюкасл, сменивший на посту госсекретаря Честерфилда, стал добиваться изменения условий договора. Однако российское правительство настаивало на своих требованиях, в результате переговоры застопорились. Госсекретарь направил новому

²⁰ Там же. С. 374–375.

²¹ Там же. С. 453.

²² Там же. С. 453–454.

²³ Там же. С. 164, 173, 188.

²⁴ Там же. С. 420.

²⁵ Там же. С. 469.

послу в России Гаю Диккенсу депешу с пометой «совершенно секретно», в которой сообщал, что король вознаградит Бестужева, если тот сможет убедить императрицу согласиться на предложенный им план, в соответствии с которым российские войска, расположенные в Ливонии, придут в движение, если король Пруссии нападет на владения Его Величества. «В таком случае, но никак не иначе, — продолжал инструктировать госсекретарь посла, — вы предоставите канцлеру сумму в две с половиной тысячи фунтов; а затем выплатите ему еще такую же сумму, как только русские войска начнут движение... Вы можете также обещать ему дальнейшую благодарность, если он будет помогать вам в вопросе о субсидии, чтобы ее сумма была по возможности умеренной; и чем меньше будет субсидия, тем больше будет размер его компенсации за нее»²⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что канцлер пытался вести переговоры с англичанами единолично, не посвящая в их детали ни вице-канцлера М.И. Воронцова, ни посла в Великобритании графа П.Г. Чернышева. Бестужев говорил Гаю Диккенсу, что не доверяет Чернышеву и не хотел, чтобы с ним вели деловые беседы. Как отмечала советский историк И.И. Любименко, Петр Григорьевич Чернышев «не пользовался доверием у Бестужева, старавшегося вести в основном англо-русские отношения помимо него»²⁷. Он даже предлагал заменить графа другим послом, которому бы полностью доверял английский двор²⁸.

Как бы англичане ни старались сохранить авторитет своего «друга» и его устойчивые позиции при дворе, Бестужев, по словам С.М. Горяинова, «был сам себе враг и давал повод своим недоброжелателям распространять худую молву про него. Он любил роскошь, любил строить и вел большую игру, так что был кругом в долгу. Для удовлетворения своих потребностей он не останавливался перед растратой денег, принадлежавших казне»²⁹. В октябре 1752 г. Бестужев обратился к императрице со следующим посланием: «Всемиловитейшая государыня! Я такой тягости долгов подпал, что ...прибавить уже невозможно. Кредиту тем лишаюсь, никакого уже заимодавца, кто бы меня ссудил, не нахожу... Все заложено, что... заложить можно было». Бестужев объяснял, что его долги отчасти объясняются недостатком жалованья (12 тыс. руб.), положенного ему как канцлеру. Между тем его должность «повелевает» нести большие издержки, в том числе расходы на поездки в Москву и «разные великие торжества». Он напоминал, что пожалованный ему дом пришлось отстраивать, на что потребовалось 50 тыс. руб., которые он взял в долг на 10 лет. Однако он не мог отказаться от этого дома, поскольку его статус требует, чтобы под старость он «не бедничал» и чтобы иностранцы не удивлялись его «бедности». Это обстоятельство, заключал канцлер, принуждают просить императрицу пожаловать ему из субсидных денег 50 тыс. руб. на 10 лет»³⁰.

Поскольку ответа на подобную просьбу от императрицы не последовало, Бестужев решил обратиться к послам российских союзников — Англии, Австрии и Саксонии — с просьбой его выручить. С.М. Горяинов назвал подобный шаг канцлера «безнравственным деянием», повлекшим за собой «еще более чувствительное нарушение ...обязанностей, связанных с его служебным положением»³¹. О том, что последовало за этим обращением, Гай Диккенс в подробностях информировал свой двор. В секретной депеше от 28 ноября 1752 г. он сообщал герцогу Ньюкаслу, что канцлер оказался в затруднительном положении из-за больших долгов, что грозит ему серьезными неприятностями. Он не может оплатить расходы по содержанию и ремонту дома, а главное, он растратил деньги из казны, которые

²⁶ Дипломатическая переписка английских представителей при дворе императрицы Елисаветы Петровны. 1750—1753 // СИРИО. Т. 148. Пг., 1916. С. 414.

²⁷ Любименко И.И. Россия и Англия в первой половине XVIII века (1698—1756). Л., 195.. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 276. Оп. 2. Д. 138. С. 797.

²⁸ Дипломатическая переписка английских представителей... С. 10, 61.

²⁹ Горяинов С.М. Введение // Там же. С. IV.

³⁰ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XII. История России с древнейших времен. Т. 23—24. М., 1993. С. 116—118.

³¹ Горяинов С.М. Указ. соч. С. V.

выделялись на расходы министерства иностранных дел и почтового ведомства. Так, из 15 тыс. руб., которые было положено ассигновать на секретную службу, он взял 12 тыс. и 16 тыс. из почтовых денег, что в общей сумме составляло 28 тыс. руб. Чтобы избежать разорения и унижения, канцлер и решил обратиться к иностранным министрам.

Во время одной из бесед с канцлером Гай Диккенс сообщил ему, что король советовал сделать все возможное, чтобы его поддержать. «Канцлер был так растроган заботой короля, — продолжал посол, — что даже слезы выступили на его глазах, и он какое-то время не мог произнести ни слова». А затем он заявил, что переговоры о субсидии за войско будут продолжены без промедления и средства могут быть «легко найдены». В завершение Бестужев заверил посла, что учтет интересы Великобритании³².

В марте 1753 г. денежная помощь для Бестужева была собрана, хотя и не в том объеме, как он того желал. Помимо англичан, саксонский двор выслал ему 8 тыс. рейхталеров и австрийское правительство — 30 тыс. флоринов. Таким образом, денежная сумма, по расчетам Гая Диккенса, была достаточной для пополнения растраты³³. Однако Бестужев был иного мнения. При встрече с послом он заявил, что полученные средства лишь отчасти поправят его положение. Между тем, спустя два дня, едва получив 10 тыс. дукатов, он успел проиграть из этой суммы 1200 дукатов. «Я ожидаю, что через некоторое время канцлер опять окажется в долгах», — заключал Гай Диккенс³⁴. Примечательно, что все сношения по вопросу о финансовых поступлениях от иностранных держав Бестужев, как и прежде, предпочитал держать от своих соотечественников, прежде всего от самой императрицы, в секрете³⁵.

Финансовую расточительность Бестужева британская дипломатия успешно использовала для достижения своих целей. Обещания короля, озвученные послом, выделить деньги после подписания договора о конвенции, явно не устраивали Бестужева. Деньги ему были нужны, что называется, здесь и сейчас. Поэтому, поблагодарив короля, канцлер поинтересовался, не сможет ли английский резидент барон Вольф одолжить ему или выдать 25 тыс. руб. в счет закладной. Однако тот ответил отказом, поскольку канцлер уже занял 62 тыс. руб. исключительно под свое слово.

Последующие депеши из Лондона, отправленные в августе 1753 г., свидетельствовали, что английская сторона не оставляла попыток оказания давления на Бестужева. Угроза нападения Пруссии на владения английского короля в Ганновере продолжала сохраняться. К тому же в середине 1750-х годов обострился конфликт между Англией и Францией. В результате, по утверждению британского историка Д.Б. Хорна, переговоры с Россией об очередной субсидии сделались «вопросом жизни или смерти для Британии» и англичане вновь решили «купить помощь России»³⁶. Единственным эффективным средством защиты Ганновера, по мнению английского правительства, могла быть мощная диверсия России на слабой восточной границе Пруссии, что отвлекло бы Пруссию от нападения на Ганновер. «Необходимо внушить русским, — заявлял госсекретарь, — что они так и останутся державой азиатской, если не выйдут из своего бездействия и позволят королю прусскому исполнить его амбициозные и опасные планы... расширения Пруссии»³⁷.

Для достижения своих целей очередной посол, прибывший ко двору Елизаветы Петровны, Ч. Уильямс обратился к излюбленному англичанами методу — подкупу сановников. Главной целью посла по-прежнему был канцлер, который, по утверждению Д.Б. Хорна, «долго являлся оплотом британских интересов при русском дворе»³⁸. Для начала Уильямс выяснил у приближенных к Бестужеву лиц, на какую наименьшую сумму тот даст согласие поддержать англичан в переговорах. Получив аудиенцию у самого канцлера, он озвучил

³² Дипломатическая переписка английских представителей... С. 394–396.

³³ Там же. С. 418.

³⁴ Там же. С. 464.

³⁵ Горяинов С.М. Указ. соч. С. VI.

³⁶ Horn D.B. Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy (1747–58). London, 1929. P. 200–201.

³⁷ Цит. по: Турганев А.И. Российский двор в XVIII в. СПб., 2005. С. 151.

³⁸ Horn D.B. Op. cit. P. 205.

данное предложение, которое, однако, было отвергнуто Бестужевым без колебаний. Тогда Уильямс выдвинул ультиматум, который был им принят. Тот факт, что Бестужев принял ультиматум Уильямса, по признанию Хорна, объяснялся главным образом увеличением взятки, предложенной ему англичанами. Гай Диккенс в свое время предлагал канцлеру 5 тыс. ф. ст.; Уильямс — вначале 8 тыс. ф. ст., но, не добившись результата, увеличил сумму до 10 тыс. ф. ст. Уильямс с удовольствием докладывал в Лондон: эта сумма была принята Бестужевым тотчас же «с улыбкой на устах, и он заверил, что поддержит все, что я предложу»³⁹.

И действительно, когда застопорился вопрос с ратификацией конвенции, тут же, как отмечал Ф.Ф. Мартенс, «опять нашла Англия энергического защитника ее интересов в русском государственном канцлере графе Бестужеве-Рюмине»⁴⁰. 19 января 1756 г. он подал императрице подробную записку по этому делу. Канцлер пригрозил даже, что подаст в отставку, если конвенция с Англией не будет ратифицирована. Записка канцлера возымела должное действие: Елизавета Петровна повелела немедленно обменяться ратификациями договора.

Надо отметить, что проанглийскую политику, проводимую канцлером, И.И. Любименко пыталась оправдать не подкупом со стороны англичан, но его собственной «политической линией». «Подкупить его готова была не одна Англия, — отмечала историк. — Французы, пруссаки искали его расположения теми же путями, но ничего не добились. Если он и брал деньги у английского правительства под залог своего дома, то они являлись платой за услуги, а не стимулом для оказания их. Такого рода платы были тогда в обычае при всех дворах. При безумной роскоши, продолжавшей царить при русском дворе, даже крупные сановники постоянно нуждались в деньгах»⁴¹.

О том, что Бестужева часто обвиняли во взяточничестве и он охотно принимал крупные денежные суммы от иностранных держав, писал М.Ю. Анисимов. Он также оправдывал подобные поступки канцлера тем, что это «по тем временам не считалось чем-то из ряда вон выходящим». При этом Анисимов подчеркивал, что «факты взяток не афишировались». Оправданием взяточничества Бестужева-Рюмина, на взгляд Анисимова, служило также то, что он брал взятки от тех, кого считал союзниками России. Канцлер брал деньги, а «иногда даже вымогал у английских, австрийских и польско-саксонских представителей в Петербурге, — продолжал историк. — Но никогда не принимал денег от пруссаков и французов»⁴². Трудно согласиться с утверждением автора, что привлечь деньгами Бестужева на свою сторону для англичан было невозможно. История с субсидными конвенциями убеждает в обратном. Да и брать деньги от других иностранных послов канцлер тоже не всегда отказывался. К примеру, когда в августе 1745 г. прусские войска вступили в Богемию, посол Фридриха II А. Мардефельд вручил Бестужеву 50 тыс. руб., которые тот охотно принял⁴³.

Финансовые проблемы делали канцлера зависимым от иностранных субсидий, признавала М.А. Емелина. Но и она, подобно другим российским историкам, оправдывала взяточничество Бестужева «обычной практикой» дипломатов XVIII в., что свидетельствовало о «признании заслуг министра, поддержкой которого стремились заручиться»⁴⁴. М.А. Емелина приводила сведения о материальном положении канцлера. Его официальный статус требовал содержания богатого дома, в котором можно было принять императрицу и иностранных послов, и на это расходовались немалые средства. В начале 1745 г. Бестужев-Рюмин получил от Елизаветы Петровны 60 тыс. руб. и поместье в Лифляндии, приносящее ежегодный доход в 30 тыс. руб. Ежегодный английский пенсион, продолжала

³⁹ Ibid. P. 207.

⁴⁰ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IX (X). Трактаты с Англией. 1710—1801. СПб., 1892. С. 185.

⁴¹ Любименко И.И. Указ. соч. С. 675—676.

⁴² Анисимов М.Ю. Указ. соч. С. 184.

⁴³ Емелина М.А. Указ. соч. С. 34.

⁴⁴ Там же.

историк, составлял 60 тыс. руб., в 1756 г. эту сумму увеличили до 2,5 тыс. ф. ст.⁴⁵ Ежегодное жалование Бестужева из казны составляло по разным оценкам от 7 до 16 тыс. руб.⁴⁶, такая же сумма выдавалась на почтовое ведомство. Но всех этих денег все равно катастрофически не хватало. Недостаток в финансах, который постоянно испытывал Бестужев, Емелина объясняла также его игрой в карты и неумеренными возлияниями⁴⁷. Современники свидетельствовали, что в его доме часто устраивались застолья и допоздна продолжалась карточная игра. Посол Гай Диккенс в одной из депеш сообщал госсекретарю, что несколько раз видел, как Бестужев появлялся при дворе, когда уже пора было идти в постель (о чем императрицу извещали его недруги), и встречался с иностранными министрами. «После того, как он большую часть ночи проводил за картами и выпивкой, голова его была недостаточно ясной, чтобы говорить о делах, когда он появлялся утром при дворе, — продолжал посол. — Подобное поведение было необычным для других министров»⁴⁸.

Французская исследовательница Ф.Д. Лиштенан обращала внимание на то, что не только англичане, но представители других государств также пытались подкупить чиновников. Однако особенно преуспели в этом деле англичане. Представители Георга II «сумели извлечь пользу из бедственного экономического положения России. Они не скупились на взятки, дарили погрязшим в долгах русским министрам мелкие денежные подарки»⁴⁹. Английский консул Вольф вел дела Бестужева, от его имени вкладывал деньги в банковские спекуляции.

Получая от англичан значительные денежные суммы, как в виде пенсии, так и разовых выплат, Бестужев фактически находился на их содержании. Но каким образом канцлер за это расплачивался? Мы уже убедились, что он оказывал поддержку англичанам в переговорах о заключении субсидных конвенций (в части уменьшения требуемой императрицей за корпус денежной суммы, а также в ускорении прохождения документов для ратификации). Важным оказалось посредничество Бестужева и в коммерческих делах.

Торговля в отношениях Англии и России играла на протяжении веков важную роль. Англичане, получавшие большие дивиденды от торговли в России, сумели добиться заключения выгодного для себя договора при Анне Иоанновне в 1734 г. Однако, поскольку срок его действия истекал, британская дипломатия стала добиваться пролонгации договора. Особенно это было актуальным в связи с тем, что и конкуренты англичан (Голландия, Франция) предпринимали попытки заключить аналогичные договоры с Россией. Георг II приказал воспользоваться «недавней щедротой, оказанной графу Бестужеву», и настоять на том, чтобы торговый договор был «немедленно восстановлен в своей первоначальной силе»⁵⁰. Посол Гиндфорд ответил, что примет все необходимые меры, чтобы торговый договор начал действовать в полном объеме. Однако этого в силу ряда причин не произошло⁵¹, хотя Бестужев всячески тому содействовал. Торговый договор 1734 г. был пролонгирован лишь в правление Екатерины II в 1766 г.⁵²

Обращает на себя внимание то, что канцлер поставлял англичанам также информацию о вооруженных силах России. Поскольку дипломаты нередко встречались с Бестужевым не только на официальных приемах, но и в приватной обстановке у него дома либо приглашали его в гости к себе, это давало им возможность получать секретную информацию о состоянии армии и флота, что называется, из первых рук от самого главы внешнеполитического

⁴⁵ Там же. С. 34, 39.

⁴⁶ *Лиштенан Ф.Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740—1750. М., 2000. С. 164.

⁴⁷ *Емелина М.А.* Указ. соч. С. 35.

⁴⁸ Дипломатическая переписка английских представителей... С. 140.

⁴⁹ *Лиштенан Ф.Д.* Указ. соч. С. 73—75.

⁵⁰ Донесения, инструкции и письма... С. 322—323, 353, 382.

⁵¹ Подробнее см.: *Медведев Ю.С.* Русско-английские отношения в середине XVIII века (1748—1763): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 124—133.

⁵² Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. С. 73—110.

ведомства. Так, Бестужев обещал Гиндфорду представить точные сведения о корпусе в 30 тыс. человек с указанием полков, а также пограничных пунктов, где они расквартированы⁵³. Канцлер проявлял также активное участие в обсуждении кандидатур командного состава вспомогательного корпуса, отдавая приоритет выбору англичан. Любопытно, что англичане советовались с Бестужевым даже по поводу назначения нового посла в Россию после отъезда лорда Гиндфорда. На прощальной аудиенции канцлер поинтересовался, кто его заменит, и просил намекнуть государственному секретарю, что назначение полковника Гая Диккенса было бы ему весьма приятно, ибо «этот господин не только знает немецкий язык, но в совершенстве знаком с дворами шведским и прусским»⁵⁴. Пожелание канцлера английской стороной было услышано, и в июле 1749 г. на смену Гиндфорду прибыл полковник Гай Диккенс.

Неудивительно, что англичане очень дорожили своим «другом». Они беспокоились, когда у Бестужева возникали сложности, которые могли повлиять на его положение при дворе либо чем-то его скомпрометировать. Так, в июле 1750 г. в семействе Бестужева разразился скандал из-за сына. Единственный наследник канцлера Андрей «жил на широкую ногу, тратил деньги на кутежи и увеселения, совершенно не интересовался делами и ничем не проявил себя ни на дипломатическом поприще, ни на придворной службе»⁵⁵. Поведение сына не могло оставить равнодушным Алексея Петровича, пытавшегося его вразумить. В то же время супруга канцлера была на стороне сына. На этой почве в семье Бестужевых часто возникали скандалы. После одного из них его супруга и сын попытались пожаловаться императрице. Понимая, что Елизавета Петровна может принять сторону обиженной жены Бестужева (императрица выказывала женскому полу большое сочувствие и, если супруги начинали тяжбу, всегда была на стороне жены)⁵⁶ и объединиться с его врагами, «друзья» канцлера, чтобы восстановить мир и порядок в семье, предложили Андрею Алексеевичу отправиться в зарубежное путешествие, выделив для этой цели ежегодное содержание в 800 ф. ст. Предложение семейством Бестужевых-Рюминых было охотно принято⁵⁷.

Итак, как мы могли убедиться, деятельность канцлера А.М. Бестужева-Рюмина при дворе Елизаветы Петровны была неоднозначной и противоречивой. С одной стороны, он защищал интересы отечества, когда проводил внешнюю политику, направленную на усиление могущества России на международной арене. С другой стороны, как показал анализ переписки британских дипломатов, Бестужев нередко поддерживал англичан. Особенно наглядно это видно из его действий, направленных на ускорение переговоров о субсидиях, и стремлений уменьшить их размер. Английское правительство активно использовало канцлера в переговорах с российским двором, добиваясь своих целей, которые нередко шли вразрез с интересами России. Великий канцлер, находясь на высоком государственном посту, по сути дела, предавал свое отечество. Анализ деятельности Бестужева в переговорном процессе с англичанами, а также его биография (сфальсифицированные документы, представленные его отцом для приписывания своего рода к английским предкам, необычное знакомство с будущим королем Великобритании и служба у него), выплата постоянного пенсионера и дорогостоящих подарков и ссуды — все это, как бы это ни казалось странным, дает основание для предположения, что А.П. Бестужев-Рюмин был завербован англичанами, находясь в бытность свою на службе у Георга I. А если вспомнить, что Петр I охотно согласился на его назначение послом в Лондон, то можно предположить, что Бестужев-Рюмин являлся двойным агентом, поставляя секретные сведения также в Петербург. Во всяком

⁵³ Донесения, инструкции и письма... С. 329–330.

⁵⁴ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 7 мая 1748 года по 9 февраля 1749–50 гг. // СИРИО. Т. 110. СПб., 1901. С. 394.

⁵⁵ Емелина М.А. Указ. соч. С. 39.

⁵⁶ Лиштенан Ф.Д. Указ. соч. С. 152.

⁵⁷ Дипломатическая переписка английских представителей... С. 76.

случае с уверенностью можно утверждать о двойственной позиции, занимаемой канцлером в отношениях с англичанами, а потому его вполне можно назвать «двуликим Янусом»⁵⁸.

Библиография

- Анисимов М.Ю.* Российский дипломат А.П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192.
- Григорьев Б.Н.* Бестужев-Рюмин. Великий канцлер России. М., 2014.
- Емелина М.А.* Алексей Петрович Бестужев-Рюмин // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 29–45.
- Лабутина Т.Л.* Россия в войне за чужие интересы: переговоры британских и российских дипломатов о субсидных конвенциях 1747 года // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 54–66. DOI: 10.31857/S013038640025910-9
- Ляштенан Ф.Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М., 2000.
- Любименко И.И.* Россия и Англия в первой половине XVIII века (1698–1756). Л., 195.. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 276. Оп.2. Д. 138.
- Сборник императорского русского исторического общества. Т. 101, 102. СПб., 1898; Т. 110. СПб., 1901; Т. 148. Пг., 1916.
- Яковлев Н.Н.* Великий канцлер // Яковлев Н.Н. Британия и Европа М., 2000. С. 163–168.
- Eldon C.W.* England's Subsidy policy towards the Continent during the Seven Years' War. Philadelphia, 1938.
- Horn D.B.* Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy (1747–58). London, 1929.

References

- Anisimov M. Yu.* Rossiyskiy diplomat A.P. Bestuzhev-Ryumin [Russian diplomat A.P. Bestuzhev-Ryumin] (1693–1766) // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2005. № 6. S. 175–192. (In Russ.)
- Grigor'yev B. N.* Bestuzhev-Ryumin. Velikiy kantsler Rossii [Bestuzhev-Ryumin. Great Chancellor of Russia]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Labutina T.L.* Rossiya v voyne za chuzhiye interesy: Peregovory britanskikh i rossiyskikh diplomatov o subsideykh konventsiyakh 1747 goda [Russia in the war for foreign interests: Negotiations between British and Russian diplomats on the subsidy conventions of 1747] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 3. S. 54–66. DOI: 10.31857/S013038640025910-9 (In Russ.)
- Lishtenan F.D.* Rossiya vkhodit v Yevropu. Imperatritsa Yelizaveta Petrovna i vojna za Avstriyskoye nasledstvo [Russia enters Europe. Empress Elizaveta Petrovna and the War of the Austrian Succession]. 1740–1750. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Lyubimenko I.I.* Rossiya i Angliya v pervoy polovine XVIII veka [Russia and England in the first half of the 18th century] (1698–1756). Leningrad, 195.. // Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archive Saint Petersburg Institute of history Russian Academy of Sciences]. F. 276. Op. 2. D. 138. (In Russ.)
- Сборник императорского русского исторического общества [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Т. 101, 102. Sankt-Peterburg, 1898; Т. 110. Sankt-Peterburg, 1901; Т. 148. Petrograd, 1916. (In Russ.)
- Yakovlev N.N.* Velikiy kantsler [Great Chancellor] // Yakovlev N.N. Britaniya i Yevropa [Britain and Europe]. Moskva, 2000. S. 163–168. (In Russ.)
- Yemelina M.A.* Aleksey Petrovich Bestuzhev-Ryumin [Alexey Petrovich Bestuzhev-Ryumin] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2007. № 7. S. 29–45. (In Russ.)
- Eldon C.W.* England's Subsidy policy towards the Continent during the Seven Years' War. Philadelphia, 1938.
- Horn D.B.* Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy (1747–58). 1929.

⁵⁸ Янус – в римской мифологии двуликий Бог, который изображался с двумя лицами, смотрящими в противоположные стороны. В современном значении фразеологизм «двуликий Янус» ассоциируется с такими человеческими качествами, как лесть и притворство, которые оборачиваются лозью и предательством.